

ОТ ПЛАНА ДАУЭСА К ГАРАНТИЙНОМУ ПАКТУ

В. Турок

После принятия плана Дауэса Лондонской конференцией, в августе 1924 г., начался новый этап империалистической борьбы в Европе.

Англо-американская политика в Европе попрежнему была направлена на создание и укрепление германского плацдарма для наступления на Советский Союз. Прежние методы вооружённой интервенции потерпели полное поражение. Открытая лобовая атака оказалась на некоторое время невозможной. Началась полоса признаний. Правительства большинства капиталистических стран Европы вынуждены были восстановить дипломатические отношения со страной социализма. В этих условиях англо-американскому империализму пришлось несколько видоизменить свою тактику. Для борьбы с революционным движением пролетариата и Советским Союзом был пущен в ход пресловутый план Дауэса. План Дауэса имел целью создать сильную, реакционную Германию, которая могла бы явиться оплотом для борьбы против Советского Союза и революционного пролетариата западноевропейских стран. Поэтому англо-американский империализм считал необходимым устранить всякую возможность повторения рурской авантюры Пуанкаре.

В результате принятия плана Дауэса империалистическая Франция пожинала плоды своей антисоветской внешней политики. Участие в антисоветских планах обрекало Францию на капитуляцию перед англо-американским империализмом по основным вопросам европейской политики, ибо для реакционной французской буржуазии Англия представлялась единственным возможным союзником против опасности нового германского вторжения. «Русский вопрос» оказывался тесно связанным не только с германским, но и с французским вопросом. Поэтому каждая попытка французской буржуазии активно участвовать в антисоветских планах и замыслах неизменно кончалась ослаблением позиций Франции в Европе и усилением позиций Германии. Антисоветская направленность французской внешней политики приводила ко всё большему подчинению Франции англо-американскому финансовому капиталу и к постепенному её превращению из великой державы в государство второстепенного значения. Лондонская конференция 1924 г. была важным этапом в этом отношении. «Конференция несколько отодвинула назад слишком выдвинувшуюся вперёд Францию, ввиду чего естественно получился фактический перевес Англии в Европе»¹.

В борьбе США за господство в Европе также начинался новый этап. В 1924 г. американский империализм снова попытался превратить Европу в сферу своей безраздельной экономической экспансии. Как и во время Парижской мирной конференции 1919 г., финансовый капитал США полагался на своё экономическое превосходство и был уверен в могуществе «дипломатии доллара».

Ещё до окончания военных действий против Германии американские банкиры и промышленники с предельной циничностью обсуждали планы подчинения «союзной и ассоциированной» Европы. В тот день, когда в Берлине происходила революция и военный разгром Германии стал со-

¹ И. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 290.

вершившимся фактом, один из советников Вильсона по экономическим и торговым вопросам, Джордж Мак Фадден, телеграфировал 9 ноября 1918 г. из Парижа в Вашингтон свою оценку положения в победивших странах Европы: «В послевоенный период наша экономическая и финансовая поддержка будет необходимой для союзников... Франция после войны будет экономически зависеть от США в отношении продовольствия, всевозможных видов сырья, металлов, машин и тоннажа, а кроме того будет нуждаться в финансовой помощи, необходимой для закупки всего этого в Америке... Италия будет зависеть от США даже ещё больше чем Франция... Союзные правительства постараются как можно скорее демобилизовать свои армии, но как только солдаты будут отпущены, им необходимо предоставить работу, иначе возникнут забастовки, рабочие волнения и общее социальное беспокойство. Вследствие этого определится экономическая зависимость Англии, Франции и Италии от США».

На эту телеграмму военная торговая палата 19 ноября 1918 г. ответила Мак Фаддену: «В общем и целом мы согласны с Вашим мнением... На мирной конференции экономическая мощь США не должна подвергаться каким-либо ограничениям, так как в наших руках эта сила может оказаться могущественным средством, которое даст нам возможность добиться принятия наших взглядов»².

Рурский кризис 1923 г. был использован американским финансовым капиталом для нового наступления в Европе. При этом империалисты США с непревзойдённым лицемерием изображали своё вмешательство в европейские дела как «борьбу за мир», «помощь страждущей Европе» и т. п.

Для того чтобы обосновать свою поддержку германского империализма, американские банкиры и изоляционисты изображали Францию причиной всех смут и раздоров в Западной Европе, а Германию — жертвой непосильных репараций. Франция должна была нести издержки по антисоветской политике англо-саксонских держав. Французское «вторжение в Рур так же противоречит морали, как и вторжение в Бельгию», — заявил один из членов комиссии по иностранным делам сената США. «В результате французской политики Европа в экономическом отношении идёт к банкротству, а политически — к войне», — писал Нойес, представлявший в 1919—1920 гг. США в межсоюзной комиссии в Рейнской области³.

В первых рядах дипломатической борьбы вокруг плана Дауэса и его последствий выступали государственные деятели и дипломаты великих держав. За их спиной действовали подлинные господа капиталистического мира — банкиры и крупные промышленники. Монтегю Норман, Бенджамен Стронг и Хьялмер Шахт предreshали многое из того, что затем оформлялось на дипломатических совещаниях и конференциях.

Для воздействия на дипломатические позиции Франции большое значение имели после оккупации Рура биржевые махинации, объектом которых был курс франка.

Большую роль играл при этом председатель английского банка Монтегю Норман. В Париже его считали источником всех злоключений франка. «Нежелание Английского банка оказать поддержку Французскому банку приписывалось в Париже прогерманским симпатиям Монтегю Нормана. Заявлялось, что он всегда был готов оказать помощь любой стране из числа бывших противников, но был менее великодушен, когда речь шла о помощи кому-либо из бывших союзников и особенно

² Papers relating to the foreign relations of the USA. The Paris Peace Conference. Vol. II, p. 723—738. Washington, 1942.

³ America and Post-war European situation. The Annals of the American Academy of political and social science. Vol. CXIV, p. 28. Philadelphia, 1924.

Франции. Монтегю Нормана не без основания относили в Париже к числу врагов Франции»⁴.

Монтегю Норман был тесно связан, с одной стороны, с Шахтом и многими банкирами в странах Центральной Европы, а с другой — с Бенджаменом Стронгом, председателем Ньюйоркского федерального резервного банка. Пока Остин Чемберлен, упиваясь собственным красноречием, выступал с лживыми речами о традиционной верности английского правительства идее защиты Франции, Монтегю Норман молчал и действовал.

Молчаливость Монтегю Нормана была в Англии такой же притчей во языцех, как в США молчаливость Кальвина Кулиджа. А действия Английского банка и его директора оказывали огромное влияние на развитие политических событий в капиталистической Европе, в частности после принятия плана Дауэса. «Норман, — писал его биограф, — прямо или косвенно, открыто или за кулисами, развивал деятельность, которая, собственно говоря, должна была входить в компетенцию премьера или министра иностранных дел... На протяжении своей карьеры он был банкиром и никогда не стремился стать чем-либо иным. Тем не менее является историческим фактом то обстоятельство, что он играл выдающуюся роль в оформлении внешней политики Великобритании»⁵. Роль Монтегю Нормана в поддержке Германии была так велика, что французская пресса в течение многих лет именовала его «святым покровителем Германии»⁶.

Действуя в пользу возрождения Германии, Монтегю Норман опирался на американских банкиров, которые стремились к стабилизации экономических и политических взаимоотношений в капиталистической Европе для того, чтобы открыть путь для инвестиции американских капиталов.

Германские промышленники и банкиры широко использовали свои связи с англо-американскими банкирами. Привлекая американский капитал к выгодному для Германии решению репарационного вопроса в форме плана Дауэса, они подчёркивали необходимость политических выводов из планов Дауэса. Экономическое возрождение Германии требует восстановления её политического равноправия, говорили они.

Особенно значительной была при этом роль Шахта, который был личным другом Монтегю Нормана. После рурской оккупации Шахт расширил и укрепил свои связи с США. Среди американских банкиров репутация Шахта упрочилась с того времени, когда он осуществил валютную реформу на средства, предоставленные ему ньюйоркскими банками.

Свою политическую карьеру в Веймарской Германии Шахт начал в качестве члена демократической партии и стал председателем рейхсбанка только благодаря поддержке его кандидатуры демократами и социал-демократами. После вступления Германии в Лигу наций в 1926 г. Шахт открыто заявлял иностранным корреспондентам, что Германия в скором времени вернёт польский коридор, аннексирует Австрию и прекратит выплату репараций. Англо-американские банкиры надеялись, что в возродившейся с их помощью Германии Шахт будет удобным проводником экономического и политического влияния Уолл-стрита и лондонского Сити. Позднее, в период подготовки фашизации Германии, по свидетельству антифашистского журналиста Иоганнеса Стила, в кругах германского финансового капитала серьёзно обсуждалась кандидатура Шахта на пост «фюрера»⁷. В 1924—1925 гг. Шахт принимал непосред-

⁴ Einzig P. «Behind the scenes of International France», p. 34. London. 1932.

⁵ Einzig P. «Montagu Norman. A Study on financial Statesmanship», p. 110. London. 1932.

⁶ Там же, стр. 125.

⁷ Steel J. «The ambitious Dr. Schacht» («Current history», p. 289. New York, June. 1934).

ственное участие в переговорах с Монтегю Норманом, Бенджаменом Стронгом и другими.

Менее решающую, но всё же весьма активную роль играли и другие немецкие банкиры, стремившиеся, по выражению Секта, «переиграть» войну 1914—1918 годов. Германский империализм использовал в широких масштабах стремление американской и английской реакции привлечь Германию к активному участию в антисоветском блоке.

Как уже отмечалось выше, в 1919—1925 гг. основой внешней политики Англии в Европе было стремление вовлечь Германию в реакционный «западный блок» против СССР. При всех парламентских комбинациях и смене министров иностранных дел эта английская ориентация оставалась неизменной. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на все изменения политической конъюнктуры, английским послом в Берлине бессменно вплоть до вступления Германии в Лигу наций оставался лорд д'Абернон. Английские государственные деятели считали д'Абернона вполне подходящим для разрешения задачи, поставленной перед ним английской дипломатией. Связь д'Абернона с реакционными английскими банками и узость его политического кругозора были с этой точки зрения большими достоинствами. Штреземан неоднократно с похвалой отзывался о помощи, которую оказывали ему д'Абернон и английское министерство иностранных дел. В одной из своих анонимных статей в германской прессе о периоде подготовки плана Дауэса Штреземан писал: «Англия... по многим вопросам давала Германии хорошие советы»⁸.

Навязчивая идея создания антисоветского блока владела не только лордом Керзоном и Остином Чемберленом, но и Макдональдом. Разница между их планами, конечно, была, но в общем она сводилась лишь к вопросу о масштабах и степени остроты подготовляемых мероприятий. Когда Макдональд был заменён Чемберленом, внешняя политика Великобритании «сохранила изумительную преемственность»⁹. Олицетворением этой преемственности, в частности, была персона английского посла в Берлине.

Лорд д'Абернон был тесно связан с английскими банковскими кругами, и это определяло его политические взгляды, совпадавшие со взглядами председателя Английского банка Монтегю Нормана. Именно это и было причиной того, что д'Абернон оказался первым послом Великобритании в Берлине после мировой войны, хотя он никогда не был профессиональным дипломатом. На этом посту он пробыв с июня 1920 г. до октября 1926 г., сохранив его при трёх английских министрах иностранных дел (Керзон, Макдональд и Остин Чемберлен). Несмотря на некоторые различия в политике этих трёх министров, д'Абернон неуклонно занимался тем, что содействовал возрождению германского империализма. Основной целью английской внешней политики лорд д'Абернон считал борьбу с Советской Россией. Для этой цели нужна была сильная и притом реакционная Германия. Естественно, что английский посол очень скоро стал желанным гостем в германском министерстве иностранных дел. «В настоящий момент немцы высоко ценят английские советы, и мы сейчас здесь весьма популярны и влиятельны», — записал д'Абернон в своём дневнике 26 мая 1921 года. «К нашим советам прислушиваются и обычно их выполняют», — повторил он в записи 30 сентября 1921 года.

Английские советы имели специфический характер, были крайне настойчивы и находили очень восприимчивых слушателей. «Наши точки зрения по многим вопросам вполне совпадали», — констатировал д'Абернон 22 октября 1920 г. после беседы с германским министром иностранных дел Симонсом. Обоих собеседников во время этой беседы объедини-

⁸ Stresemann G. «Vermächtnis». Bd. I, S. 394.

⁹ «L'Europe Nouvelle», 15/VIII 1925, p. 1070.

ла общая мысль о том, что «Германия в действительности является барьером против большевизма и анархии».

Внешнеполитическая концепция д'Абернона достаточно ясно сформулирована в его дневнике: «Если Англия может положиться на честность Германии на Востоке (в России, Афганистане, Египте и Турции), то её (Германии. — В. Т.) сотрудничество может оказать значительную помощь»¹⁰.

Под этим углом зрения трактовали германский вопрос как английские, так и американские реакционеры. Под этим углом зрения они добивались разрешения и репарационного вопроса.

Как известно, принятие плана Дауэса происходило при активном участии не только банков, но и правительства США. «Хотя правительство США не приняло на себя формальной ответственности за план Дауэса,— писал лондонский «Экономист»,— но США столь различными путями заинтересованы в осуществлении плана, что не могут безучастно допустить его неудачи. Крёстным отцом плана является вице-президент США (Дауэс). Американские вкладчики внесли половину суммы, намеченной для финансирования плана, и были поощрены к этому президентом Кулиджем...»¹¹.

Принятие плана Дауэса явилось переломным моментом в развитии экономических, а в дальнейшем и политических взаимоотношений между Германией и победителями. Один из французских журналов по этому поводу писал: «В глазах немцев Лондонская конференция означала начало новой эры. Мы получили от конференции лишь добровольное принятие рейхом некоторых обязательств. Германия прежде всего увидела здесь восстановление германского престижа, восстановление взаимоотношений с победителями на пресловутой основе равенства. Принятие плана Дауэса послужило как бы сигналом к развёртыванию германской экономической экспансии... Экономическая свобода, возвращённая 10 января, представляется символом всех свобод»¹².

Руководящая роль Франции в репарационном вопросе окончательно отошла в прошлое, решающее значение приобрели англо-американские банки. Американские займы, полученные Германией на основе плана Дауэса, создали возможность возрождения германского империализма. Инициаторы плана надеялись, что с помощью займов они смогут управлять Германией по своему усмотрению, поставив её в экономическую зависимость от кредиторов. Но зависимость оказалась взаимной. Вложив в германское народное хозяйство огромные суммы, англо-американские банки оказались заинтересованными в благосостоянии Германии. Вопрос о выплате процентов и погашении займов оказался для германских дипломатов дополнительным средством давления на бывших противников.

В этой связи можно напомнить запись Ленина о статье Альфреда Лансбурга «Государство и иностранные займы» в журнале «Ди Банк» № 7 за 1913 год. Лансбург писал по поводу зависимости государств-кредиторов, что при таких займах «неизвестно, кто поводырь и кто пляшущий медведь»... «Простая угроза... приостановить платёж процентов означает для главного кредитора больше, чем потеря армейского корпуса». «Хорошо сказано!»¹³ — отметил Ленин.

Именно в таком положении очутились кредиторы Германии после представления ей займов на основе плана Дауэса. Германская дипломатия ясно представляла себе преимущества своего положения, связанные с планом Дауэса. Полемизируя с Гельферихом, считавшим условия зай-

¹⁰ Lord d'Abernon's Diary. Vol. II, p. 287—288. Запись 25 декабря 1923 года.

¹¹ «The Economist». German economic supplement, 18/VII 1925, p. 5—6.

¹² «L'Europe Nouvelle», 7 II 1925, p. 170.

¹³ Ленинские «Записки», Т. XXII, стр. 120, М., 1922.

мов кабальными для Германии, Штреземан писал в анонимной статье в своей газете «Ди дейт»: «Международная задолженность означает не только долговое рабство, но и заинтересованность государств-кредиторов в судьбе страны-должника»¹⁴. При этом не только сам Штреземан и германские промышленники, но и английские участники Лондонской конференции считали условия плана Дауэса временными. Они полагали, что как только Германия укрепитя, она должна будет потребовать пересмотра этих условий. В письме Макдональду из Берлина 18 августа 1924 г. лорд д'Абернон ясно сформулировал эту мысль: «В настоящее время план Дауэса встретил всеобщее признание. Это является важным шагом к созданию финансовой базы умиротворения. Я не говорю об окончательном умиротворении потому, что не даю плану Дауэса больше трёх — четырёх лет жизни. После этого он будет изменён. Но финансовая основа для улучшения дипломатических отношений создана»¹⁵.

План Дауэса рассматривался лишь как первый этап восстановления Германии. Штреземан довольно популярно объяснял это слишком нетерпеливым политикам из «немецко-национальной народной партии». В одной из своих речей 23 августа 1924 г. он заявил: «От Версаля до Лондона вёл долгий путь унижения и величайших затруднений. Я убеждён, что Лондон — это не завершение пути. Лондон может быть началом, началом развития, о котором Макдональд сказал, что «оно является концом национальной изоляции и началом сотрудничества народов на основе равноправия»¹⁶.

По мысли инициаторов плана Дауэса, этот план должен был создать экономическую базу для вовлечения Германии в подготовку войны против СССР. План Дауэса создавал экономические предпосылки для восстановления Германии как великой державы. Отсюда неизбежно должны были последовать политические выводы.

Именно под этим углом зрения и оценивали план Дауэса германские промышленные магнаты и банкиры, участвовавшие в закулисных переговорах, предшествовавших официальному обсуждению плана Дауэса¹⁷. Так, на заседании Союза германских металлургов председатель союза Феглер заявил: «Отчёт Дауэса является лишь первым шагом... Уже можно предсказать вторую конференцию для принятия плана Дауэса в области торговой политики»¹⁸. В том же смысле высказывался одновременно с Феглером и Шахт, советовавший подождать ещё немного для того, чтобы затем перейти к новому наступлению против версальской системы¹⁹.

В конце 1924 г. Штреземан не замедлил использовать эту благоприятную для германской дипломатии обстановку. Первый успех был

¹⁴ Stresemann G. Указ. соч. Т. I, стр. 395.

¹⁵ Lord d'Abernon's Diary. Vol. III, p. 90.

¹⁶ Stresemann G. Указ. соч. Т. II, стр. 523.

¹⁷ Немалую роль в этих переговорах играл, в частности, концерн Круппа. В течение двух с половиной лет послом Германии в Вашингтоне был Вилфелдт, один из бывших директоров Круппа. Он вёл переговоры о заключении германо-американского торгового договора и принимал деятельное участие в подготовке плана Дауэса. После Лондонской конференции 1924 г. Вилфелдт вернулся в Эссен на свою прежнюю должность.

¹⁸ «Berliner Tageblatt». 1/XII 1924.

¹⁹ На банкете центрального союза германских банкиров с участием Эберта и нескольких членов имперского кабинета Шахт советовал обучиться «терпению, необходимому для большой политики» («Berliner Tageblatt» от 16 декабря 1924 г.). Примерно то же время Штреземан разъяснял, для чего нужно это обучение терпению. Пока что Германия вынуждена вести «внешнюю политику безоружного народа», — заявил Штреземан в речи на съезде Германской народной партии в Ганновере 30 марта 1924 года. «Трагедией нашей внешней политики является то, что за нами не стоят прусские и германские армии, на которые мог когда-то опираться Фридрих Великий» (Stresemann G. Указ. соч. Т. I, стр. 600). Американские кредиты и должны были содействовать воссозданию «пруссских и германских армий».

одержан Штреземаном в вопросе о заключении торговых договоров. После того как Англия отказалась поддержать французское требование о продлении статей 264–267 Версальского мирного договора (об одностороннем принципе наибольшего благоприятствования для экспорта из союзных стран в Германию), 22 сентября 1924 г. начались и были очень быстро закончены англо-германские переговоры о заключении торгового договора. Вёл их лорд д'Абернон. Единственное требование, которое предъявила Англия, заключалось в признании принципа взаимного наибольшего благоприятствования. Соглашаясь на это требование, фактически ликвидирующее неравноправное положение Германии и дающее ряд важных преимуществ для германского экспорта, Штреземан предъявил несколько контртребований. Они, собственно, выходили за рамки торговых переговоров и преследовали более широкие экономические и политические цели. Германия требовала отменить или изменить английский закон о 26-процентном сборе с германского импорта в Англию в обеспечение репараций, разрешить германским банкам немедленно открыть в Лондоне свои филиалы и допустить наём германских моряков и офицеров на английские военные и торговые корабли. Все германские требования были приняты, и 2 декабря 1924 г. англо-германский договор был подписан. В протоколе, приложенном к договору, говорилось, что стороны дадут максимально широкое толкование принципу наибольшего благоприятствования.

Д'Абернон был чрезвычайно доволен заключением договора, считая принятие принципа наибольшего благоприятствования уступкой со стороны Германии. Ещё до подписания договора он писал в своём дневнике: «С английской точки зрения, уступки, которые нам сделаны, являются крайне ценными. Они открывают эпоху значительного торгового развития не только между Англией и Германией, но также между Англией и нациями Центральной Европы. Вряд ли приходится сомневаться в том, что прецедент, признавший право Англии на особое отношение, явится примером для других»²⁰.

На самом деле гораздо большие основания для ликования имела германская буржуазия. Англо-германский торговый договор наносил серьёзный удар той системе экономических отношений, которая была создана Версальским миром. Одна из крупнейших германских газет того периода торжествующе констатировала: «Германской дипломатии удалось заключить с одной из союзных держав первый большой, имеющий принципиальное значение торговый договор... Германия снова признана экономически равноправной великой державой. Тем самым пробита новая брешь в психологической стене, окружавшей нас в течение ряда лет»²¹.

Сравнительно быстро закончились затем переговоры о заключении торговых договоров и с некоторыми другими бывшими противниками Германии. В апреле 1925 г. в Берлине был подписан торговый договор с Бельгией, в октябре — с Италией²².

Франция оказалась теперь в тяжёлом положении. Временные условия Версальского договора о таможенном режиме для государств-победителей были заменены торговыми договорами Германии со всеми, кроме Франции. «Мы присутствуем в настоящее время при зрелище, когда германское правительство без особых затруднений заключает с нашими союзниками торговые договоры или, в худшем случае, соглашения о *modus vivendi*. Лишь с одной-единственной страной соглашение оказывается невозможным, и эта страна — Франция»²³.

²⁰ Lord d'Abernon's Diary. Vol. III. Запись 7 ноября 1924 года, стр. 112.

²¹ «Berliner Tageblatt» от 5/XII 1924 года.

²² Договор с США был подписан ещё раньше, чем с Англией (в декабре 1923 года.)

²³ L'Europe Nouvelle 17/I 1925 года.

К началу 1925 г., кроме общих противоречий, порождённых характером Версальского мирного договора и условиями его возникновения, начали действовать дополнительные факторы, вызванные тем, что в результате борьбы между победителями некоторые экономические условия Версальского мира носили временный характер и срок их действия истекал именно в 1925 году.

К этим условиям относились прежде всего три группы постановлений Версальского договора, составлявшие, по сути дела, одно целое: принцип наибольшего благоприятствования для экспорта из союзных и ассоциированных государств, освобождение от таможенных пошлин изделий, ввозимых в Германию из Эльзас-Лотарингии, и таможенный режим Саарской области.

Статьи 264—267 Версальского мирного договора устанавливали для промышленного и сельскохозяйственного экспорта из союзных и ассоциированных государств в Германию односторонний принцип наибольшего благоприятствования. Существенным дополнением к этому была статья 280-я договора, согласно которой обязательства, возложенные на Германию, теряли силу через 5 лет после вступления в силу Версальского договора²⁴.

Пять лет со дня вступления в силу Версальского договора истекли 10 января 1925 года. «Союзные и ассоциированные нации» сразу лишились огромного преимущества в борьбе за германский рынок сбыта.

К 1925 г. германская промышленность по объёму производства в целом подходила к уровню 1913 года. Решающие отрасли тяжёлой промышленности и крупные зерновые хозяйства Восточной Пруссии добивались введения высоких протекционистских тарифов. В руках Штреземана эти требования становились мощным оружием в борьбе германской дипломатии за ревизию Версаля. Германский министр иностранных дел не преминул использовать это оружие для того, чтобы ещё более обострить противоречия между союзниками.

Франция попыталась добиться продления срока действия одностороннего благоприятствования для своей промышленности. Во время Лондонской конференции (в августе 1924 г.) Эррио и французский министр финансов Клемантель в неофициальных переговорах с представителем Штреземана требовали от Германии согласия на то, чтобы впредь до заключения германо-французского торгового договора продолжался беспошлинный ввоз из Эльзас-Лотарингии в Германию, предусмотренный Версальским договором (статья 268)²⁵. Однако эта попытка натолкнулась на решительное противодействие не только Германии, но и Англии. Английские делегаты, которым Штреземан не замедлил во всех подробностях сообщить французские требования, решительно выступили против Франции. Во время частных переговоров рейхсканцлера Маркса и Штреземана с Макдональдом на квартире у последнего выяснилось, что «Макдональд несколько обеспокоен обсуждением вопросов торговой политики между Францией и Германией. Правда, он ничего не имеет против заключения торгового договора между Германией и Францией, но опасается, что эти переговоры затронут интересы других стран»²⁶.

Беспокойство английских дипломатов объяснялось именно непосредственной связью вопроса о статьях 264 — 267 мирного договора с привилегиями для промышленности Эльзаса и Лотарингии на германском рынке сбыта, согласно статье 268.

²⁴ Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника, стр. 105—106. Изд. Литиздата НКВД. Москва, 1925.

²⁵ Strzeseman G. Указ. соч. Т. I, стр. 477. Запись 7 августа 1924 г. о беседах Эррио и Клемантеля с социал-демократическим депутатом рейхстага Брейтшейдом, который действовал по поручению Штреземана.

²⁶ Там же, стр. 489. Запись 12 августа 1924 года.

Продление срока действия этой статьи мирного договора нарушило бы интересы металлургической, текстильной, угольной и химической промышленности Великобритании.

После первой мировой войны Франция стала крупной промышленной державой.

В своём отчёте об экономическом положении Франции в 1925—1926 гг. британский коммерческий атташе сообщал из Парижа, что «существенным результатом послевоенных изменений является окончательное вступление Франции в число значительных конкурентов на мировых рынках»²⁷.

В разрушенных войной северных департаментах заводы и фабрики восстанавливались на новой основе, возрождаясь в виде современных, хорошо оборудованных и механизированных предприятий. Например, в хлопкопрядении около $\frac{2}{3}$ оборудования было введено в действие после 1919 г., так как почти три миллиона веретён были уничтожены во время войны²⁸. Экспорт готовых изделий текстильной промышленности достиг в 1924 г. в ценностном выражении 41% всего промышленного экспорта Франции²⁹. Процесс восстановления и реконструкции промышленности разорённых войной северных департаментов был в основном закончен в 1925 году³⁰.

Однако усиление французских позиций на европейских рынках объяснялось не столько этим восстановлением и модернизацией старых предприятий, сколько увеличением естественных ресурсов и производственной мощности французской промышленности в результате возвращения Эльзаса и Лотарингии. Английские консульские отчёты с тревогой отмечали, что возвращение Лотарингии удвоило французские ресурсы железной руды и к 1925 г. поставило Францию примерно на один уровень с Англией по выпуску чугуна и стали.

При этом французская металлургия оказалась в затруднительном положении. В Рейнско-Вестфальском угольном бассейне находились богатейшие пласты лучших коксующихся углей. Он являлся важнейшим поставщиком необходимого для французской металлургии кокса, оставшегося дефицитным в послевоенной Франции. В 1913 г. из 4,5 млн. тонн кокса, потребленного лотарингской металлургией, 3,8 млн. тонн были получены из Рейнско-Вестфальского угольного бассейна. Таким образом, доменные печи Лотарингии лишились важного источника сырья. Послевоенная Франция с её расширившейся металлургией испытывала острый недостаток кокса. В 1925 г. французская металлургия в целом дала 3,4 млн. тонн чугуна. Для производства такого количества чугуна требовалось около 10 млн. тонн кокса³¹. Между тем французская добыча кокса (включая и Саарскую область) не превысила в 1925 г. двух миллионов тонн кокса низкого качества³². Германский репарационный кокс плохо поступал во Францию, хотя, по мирному договору, Франция имела право требовать 3 тонны кокса вместо 4 тонн угля.

После неудачи рурской авантюры Пуанкаре в 1923 г. и вынужденного отступления Франции на Лондонской конференции 1924 г., «двести семейств», державшие в своих руках французскую металлургию, искали пути к соглашению с Германией. Меньше всего они заботились при этом о национальных интересах Франции и французского народа.

²⁷ Cahill J. R. «Report on the economic and industrial conditions in France 1925—1926», p. 9. London. 1927.

²⁸ Там же, стр. 19.

²⁹ «Temps» 26/IV 1925 г., экономическое приложение.

³⁰ «Revue des deux mondes» 15/I 1925 г., стр. 395.

«В настоящее время разрушенные заводы почти полностью восстановлены за исключением одного, который будет восстановлен к концу 1925 года».

³¹ Для производства одной тонны чугуна требовалось 1,2 тонны кокса.

³² «Надо признаться, что германский кокс необходим для нашей металлургии», — констатировал Лемонан («Revue politique et parlementaire» № 379 10/VI 1926 г. p. 375).

Магнаты французской металлургии готовы были на любые политические комбинации, чтобы сохранить свои высокие дивиденды. Те самые промышленники и политики из лагеря «национального блока», которые во время рурской оккупации требовали крайних мер по отношению к Германии, готовы были после принятия плана Дауэса на любые компромиссы. Цель заключалась в том, чтобы получать из Германии дешёвый кокс для производства чугуна и сохранить германский рынок сбыта для лотарингской металлургии. Закладывались, таким образом, основы той политики реакционной французской буржуазии, которая впоследствии привела к предательству во время второй мировой войны. Добиваясь восстановления и расширения экономических связей Лотарингии с германской металлургией, Comité des Forges оказывался непосредственно заинтересованным в развитии военной промышленности Германии.

Экспорт в Германию приобретал для лотарингской металлургии тем большее значение, что происходило сужение французского внутреннего рынка по мере того, как заканчивались восстановительные работы в разрушенных северных департаментах Франции³³.

Зависимость лотарингской металлургии от рурского кокса и от германского рынка сбыта вызывала стремление магнатов французской металлургии в 1925 г. продлить привилегированное положение Франции, оговорённое статьями 264—267 Версальского мирного договора; когда это оказалось невозможным, они начали изыскивать способы кооперирования лотарингской руды и рурско-вестфальского кокса³⁴.

Английское правительство болезненно реагировало на попытки заключить сепаратные франко-германские соглашения, в частности на переговоры о стальном картеле. Французская металлургия с её высокой степенью концентрации сама по себе представлялась английской буржуазии серьёзной опасностью. Концентрация железодельной и сталелитейной промышленности к 1925 г. достигла во Франции очень высокого уровня. Пять концернов производили четыре пятых чугуна и стали Лотарингии.

Английская металлургия и её политические представители из среды консервативной партии стремились ослабить своих французских конкурентов и противопоставить им англо-германский экономический блок. Особенно усилились эти тенденции после принятия плана Дауэса. К этому прибавилось и то обстоятельство, что английская угольная промышленность страдала от поставок во Францию в счёт репараций германского угля.

В сентябре 1924 г. Берлин посетили крупные английские промышленники, члены палаты общин Хэннон и Даусон, для переговоров о возможностях сближения между металлургией Англии и Германии. Хэннон заявил Штреземану: «Необходимо установить более тесное сотрудничество между английской и германской индустрией. Особенно это относится к сталелитейной и железодельной промышленности. Промышленность обеих стран взаимно страдает от конкуренции. Рынок слишком мал для изделий обеих стран. Необходимо заключить соглашение с тем, чтобы Англия в финансовом отношении оказывала помощь германской промышленности и участвовала в акциях германских предприятий. Тогда Англия сможет с чистой совестью поддерживать германскую промышленность и можно будет совместно действовать на мировом рынке. Это расширит также ёмкость германского рынка и в свою очередь окажет содействие уменьшению в Англии безработицы, кото-

³³ «Wirtschaftsdienst» № 26 26/VI 1925, S. 986, статья Пиера Рафферио (сотрудника Французского банка).

³⁴ С этого времени начинается усиленная разработка различных проектов объединения франко-германской металлургии. В результате переговоров, длившихся два года, 30 сентября 1926 г. был создан стальной картель.

рую Англия не в состоянии выносить постоянно. Он (Хэннон) высказал эту мысль также министру фон Раумеру³⁵ и встретил у него полное понимание. Он хочет, чтобы некоторые выдающиеся германские промышленники установили по этому вопросу контакт с лидерами английской промышленности. Англия желает индустриального сотрудничества с Германией, так как Франция причиняет только неприятности. Франция повышает свои пошлины и отгораживается от английского рынка, а как только английская промышленность требует защиты, во Франции поднимается невероятный шум. Он надеется, что в Германии проявят понимание в этом вопросе...»³⁶.

Франко-германские торговые переговоры, начавшиеся почти одновременно с англо-германскими, затягивались. Германия предлагала заключить обычный торговый договор на основе наибольшего благоприятствования, отказываясь предоставить какие бы то ни было особые привилегии Эльзасу и Лотарингии. Самое предоставление наибольшего благоприятствования вызывало некоторые затруднения со стороны Франции, так как с 1919 г. французская торговая политика не знала применения этого принципа и французский закон о таможенных тарифах от 29 июля 1919 г. не давал и формальной возможности его применить. Однако эта сторона вопроса была разрешена франко-германским протоколом от 11 сентября 1924 года. Германия соглашалась предоставить Франции наибольшее благоприятствование в обмен на фактическое благоприятствование в форме снижения таможенных тарифов на статьи импорта по особому списку. Оставался открытым основной вопрос: положение лотарингской металлургии и эльзасской текстильной промышленности на германском рынке. Германия намеренно затягивала переговоры для того, чтобы оказать давление на Comité des Forges и вынудить Францию к политическим уступкам. Наступил бездоговорный период, продолжавшийся до 28 февраля 1925 г., когда был установлен временный *modus vivendi* на девятимесячный срок. Для Франции положение осложнялось тем, что германская тактика затягивания переговоров привела к резкому обострению противоречий между высоко концентрированной картелированной промышленностью Эльзас-Лотарингии и менее развитой старой французской промышленностью. Текстильные изделия Эльзаса, не получая доступа в Германию, поступали на французский внутренний рынок и успешно конкурировали с изделиями текстильной промышленности остальной Франции.

В представлении многих английских политиков спорные вопросы, продолжавшие существовать между Англией и Германией, отходили на второй план по сравнению с опасностью сепаратного франко-германского экономического и политического сближения. В 1919—1925 гг. многие английские дипломаты считали, что опасным врагом Англии в Западной Европе является не разоружённая, по их мнению, Германия, а сильная Франция. Но врагом номер один представлялся консервативной Англии Советский Союз. В особенности беспокоило английскую колониальную буржуазию влияние СССР на востоке в обстановке подъёма национально-колониальных революций. Укрепляя Германию в качестве своей континентальной шпиги против Советского Союза, Англия одновременно надеялась использовать её в качестве силы, могущей уравновесить и обезвредить влияние Франции в Европе и отвлечь французскую дипломатию от слишком усиленной активности против Англии на Востоке³⁷. Эта реакционная концепция заранее обрекала английских консерваторов на тяжё-

³⁵ Один из лидеров Германской народной партии.

³⁶ Stregesman n G. Указ. соч. Т. 1, стр. 592, запись 26 сентября 1924 г. о беседе Штресемана с Хэнноном за завтраком у Лютера.

³⁷ Англо-французские противоречия на Ближнем Востоке оказывали серьёзное влияние на развитие взаимоотношений между державами. Однако этот вопрос, требующий специального рассмотрения, выходит за пределы данной статьи.

лые дипломатические поражения, которые они часто склонны были принимать за победы, тогда как на деле их «успехи» были успехами Германии.

Штреземан положил немало стараний для того, чтобы укрепить среди английских дипломатов такого рода представления. Английский посол лорд д'Абернон записал свою беседу 28 июля 1923 г. с одним из руководящих германских политиков (имени его д'Абернон не назвал): «Он говорит, что теперешнее положение прямо противоположно положению в 1914 году. Как в 1914 г. Англия вела с Германией борьбу за военное господство в Европе, так в течение ближайших лет ей, вероятно, придётся по тем же причинам сражаться с Францией. Вопрос заключается в том, будет ли Англия вести войну одна или же у неё будут союзники... Настоящий момент чрезвычайно важен для будущего Европы, так как, если Франция добьётся капитуляции Германии, то вся рурская промышленность останется под контролем Франции и даст возможность снабжения Франции коксом в будущей войне. Это сделает Францию независимой от английских и американских поставок стали и кокса... В результате Восточная Германия станет большевистской и образует содружество с Россией. Если же большая часть Германии станет коммунистической, то опасность для Западной Европы будет неизмеримо большей, чем от коммунистической России»³⁸.

Немецкий собеседник английского посла достиг цели. Д'Абернон, видимо, целый месяц обдумывал услышанное и, наконец, 20 августа 1923 г. внёс в дневник запись, сделанную как бы под диктовку «руководящего германского политика». «При изучении положения в Центральной Европе в целом и рассмотрении задачи, которую должна поставить перед собой политика Англии, неизбежно заключение, что жизненные интересы Англии требуют предотвратить крушение Германии. До тех пор, пока Германия является единым целым, в Европе более или менее сохраняется равновесие сил. Непосредственно за крушением Германии это равновесие исчезает, и Франция, опираясь на свою армию и своих военных союзников, будет иметь бесспорный военный и политический перевес. Многие из аргументов, применявшихся в 1914 г. против Германии, теперь применимы против Франции. В настоящее время положение ещё хуже, так как Тройственный союз уравновешивался тогда франко-русским соглашением, а в настоящее время Франция и Малая Антанта не уравновешиваются ничем... Желая сохранения англо-французского соглашения, я вынужден желать существования сильной Германии»³⁹.

В дальнейшем английский народ не раз имел повод сожалеть о том, что не только д'Абернон, но и многие влиятельные политические деятели Англии приходили к такому же выводу и собственными руками помогали восстанавливать экономическую, политическую и военную мощь Германии — одного из главных врагов Великобритании.

Ошибки противников, отсутствия единства между ними и, главное, их антисоветская политика помогли Германии подняться. Происходило то, на что Вальтер Ратенау надеялся ещё во время первой мировой войны, когда обозначилось тяжёлое положение Германии. 21 октября 1916 г. Ратенау писал одному из своих политических единомышленников: «Несмотря ни на что, я озабочен не больше, чем в начале войны. Игру не выиграть, но и не проиграть. Несмотря на все безумия, граничащие с преступлением... мы живём ошибками других»⁴⁰.

«Ошибки других» повторялись. Изучение английских парламентских отчётов за годы, непосредственно предшествовавшие Локарнской конфе-

³⁸ Lord d'Abernon's Diary. Vol. II, p. 225.

³⁹ Там же, стр. 238.

⁴⁰ Rathenau W. Briefe. Bd. I, S. 225. Dresden. 1927.

ренции, даёт возможность проследить, как весь аппарат британской внешней политики готовился к борьбе с воображаемым противником, надеясь использовать для этой борьбы Германию. На протяжении 1922—1925 гг. в обеих палатах непрерывно затрагивался в прениях о внешней политике вопрос о «французской опасности».

В момент образования консервативного правительства Бонар Лоу, сменившего коалиционное правительство Ллойд Джорджа, консервативный политик Мур Брабазон, прославившийся впоследствии своими наглыми выступлениями против Советского Союза, утверждал на заседании палаты общин 23 ноября 1922 г.: «Наступило время, когда термин «прогерманский» не обязательно равнозначен термину «антианглийский»⁴¹. С ним вполне соглашался на заседании палаты 14 декабря 1922 г. лейбористский депутат Морель: «Если в настоящее время Германия и не является умирающей нацией, то она весьма недалеко от этого состояния. Ни сегодня, ни завтра не стоит вопрос о том, чтобы защищать Францию с её семисоттысячной армией от Германии, а, быть может, о том, чтобы защищать Германию от Франции»⁴².

В представлении многих английских политиков французская угроза продолжала существовать и после неудачи рурской авантюры Пуанкаре. Если отвлечься от некоторых, правда, довольно существенных, различий, то деятели трёх партий английского парламента, за малым исключением, считали, что только экономическое и политическое укрепление Германии «спасёт Европу от хаоса» и что средством к этому спасению является фактически пересмотр Версальского договора, чему так противилась Франция.

Германская дипломатия очень внимательно следила за англо-французскими противоречиями и много ожидала от этого настроения умов английских политиков. Об этом свидетельствует, например, письмо Штреземана от 1 декабря 1923 г. германскому послу в Москве, графу Брокдорф-Ранцау: «Сообщения из Англии сходятся на том, что там считают едва ли возможным избежать в будущем вооружённого столкновения с Францией. Однако время для такого столкновения там считают ещё не наступившим»⁴³.

Характерно, что в ответ на французские требования добиться полного осуществления постановлений Версальского договора о разоружении Германии лорд Ньютон на заседании палаты лордов заявил, что германской опасности в Европе не существует: «В течение сравнительно долгого времени Германия ни при каких условиях не будет в состоянии вести войну». Что касается отдельных нарушений, то «без сомнения вполне понятно, что германские военные власти стараются уклониться от предписаний договора. Кто на их месте не сделал бы то же самое?»⁴⁴.

В распространении подобных взглядов на разоружение Германии немалую роль сыграла прогерманская, антисоветская и антифранцузская деятельность английского посла в Берлине лорда д'Абернона. Характеристика этой его деятельности дана им самим: «Лично я отнюдь не сомневался в том, что какая-либо опасность со стороны германских военных организаций давно перестала существовать. Время от времени я писал об этом донесения в Англию»⁴⁵.

Все эти выступления английских политических деятелей отнюдь не оставались пустыми словами, а сопровождались вполне ощутимыми

⁴¹ The Parliamentary debates. Official reports. House of Commous. Fifth series. Vol 156, p. 159, London. 1922.

⁴² Там же, стр. 3259.

⁴³ Stresemann G. Указ. соч. Т. I, стр. 259.

⁴⁴ The Parliamentary debates. House of lords. Official reports. Vol. 60. Заседание 1 апреля 1925 г., стр. 885.

⁴⁵ Lord d'Abernon's Diary. Vol. III. Запись 14 сентября 1924 года.

внешнеполитическими актами, направленными против французской гегемонии на европейском континенте.

На Лондонской конференции 1924 г., посвящённой принятию плана Дауэса, английские лейбористы, представлявшие Англию, выступали в пользу Германии не менее активно, чем Штреземан. В своих записях лорд д'Абернон отмечал роль Сноудена: «Он был более немецким, чем немцы. Однажды, когда Сноуден сделал знак, что хочет выступить, но председатель (Макдональд) не заметил этого; Тейнис⁴⁶ склонился к Макдональду и сказал: «Представитель Германии желает обратиться к собранию»⁴⁷.

Не менее любопытное свидетельство о роли Сноудена имеется и в записях Штреземана о Лондонской конференции. Штреземан отметил, что резкий тон Сноудена по отношению к французским и бельгийским делегатам и его слишком явные старания во что бы то ни стало подержать немцев часто даже затрудняли положение германской делегации. Когда Сноуден начал одно из своих выступлений словами: «главная моя точка зрения заключается в том...», — бельгийский министр иностранных дел Гиманс немедленно подхватил: «...чтобы всегда стоять на стороне германской делегации»⁴⁸.

Однако не только позиция Англии способствовала успеху борьбы германской дипломатии за пересмотр Версальского договора. Не меньшее значение имела роль США. Изоляционисты противились открытому вмешательству США в политические дела Европы. Но вместе с тем они самими разнообразными способами поддерживали германскую реакцию. Не случайно кандидатура Шахта в президенты рейхсбанка встретила в 1923 г. поддержку не только английского, но и Нью-Йоркского федерального банка, который, в частности, одобрял финансовые планы Шахта. Эта поддержка англо-американских банков во многом определила и отношение к Шахту со стороны правых германских социал-демократов. Об этом достаточно ясно свидетельствуют, например, изданные во время второй мировой войны воспоминания социал-демократа Отто Брауна⁴⁹, долгое время занимавшего пост министра-президента Пруссии. Браун подчёркивал, что без согласия социал-демократии Шахт никогда не смог бы стать председателем рейхсбанка. Назначение на эту должность производилось германским президентом только по предложению имперского совета — рейхсрата. Решающую роль в имперском совете играла Пруссия, а её представителями были социал-демократы, так как у них было большинство в прусском ландтаге.

«Так случилось, что за своё первое назначение председателем рейхсбанка Шахт должен быть благодарен мне, а за второе — Гитлеру, и именно потому, что в первом случае он представился как решительный демократ, а во втором уже был в состоянии выступать в качестве старого национал-социалиста»⁵⁰. Излагая историю назначения Шахта, Браун, сам того не замечая, подводил убийственные итоги своей деятельности как представителя социал-демократии в правительстве Пруссии.

Перед голосованием в имперском совете один из близких к Штреземану людей устроил встречу Шахта с Брауном и председателем рейхсрата социал-демократом Лебе. При беседе присутствовал и Штреземан. Результатом было назначение Шахта председателем Рейхсбанка, последовавшее 22 декабря 1923 года⁵¹. «Таким путём этот человек начал

⁴⁶ Бельгийский министр-президент.

⁴⁷ Lord d'Abernon's Diary. Vol. III. Запись 14 сентября 1924 года.

⁴⁸ Stresemann G. «Vermächtnis». Bd. I. Запись 12 августа 1924 г., стр. 488.

⁴⁹ Braun O. «Von Weimar zu Hitler», S. 458. New York. 1940.

⁵⁰ Там же, стр. 142.

⁵¹ Кстати сказать, большинство германского кабинета вопреки мнению Штреземана первоначально намечало на освободившуюся в результате смерти Гафенштейна должность председателя Рейхсбанка не Шахта, а Гельфериха.

играть свою роль, имевшую мировое значение»⁵². Наиболее убедительным аргументом в пользу назначения Шахта явились для собеседников его взгляды на стабилизацию марки, вполне соответствовавшие требованиям американских банкиров.

Американские банки добивались превращения Европы, в частности Германии, в рынок для экспорта своих капиталов. Для этого надо было урегулировать проблему репараций, стабилизировать валюту и разрешить вопрос о межсоюзнических долгах, которые были правительственными долгами и мешали размещению банковских кредитов.

С прямыми обвинениями против концерна Моргана, добивавшегося быстрого разрешения вопроса о межсоюзнических долгах в ущерб казначейству США, неоднократно выступал в 1924—1925 гг. ряд сенаторов и членов конгресса США. Так, например, сенатор Рид 15 декабря 1925 г. выступил с большой речью на заседании сената, разоблачая махинации «дома Моргана»⁵³. Рид заявил, что Морган добивается аннулирования всей задолженности европейских государств правительству США для того, чтобы облегчить возвращение частных займов и расчистить путь для размещения новых банковских кредитов, то есть кредитов частных банков.

В 1925 г. общая сумма правительственных долгов европейских стран казначейству США достигала огромной суммы — в 12 млрд. долларов, — в то время как частные инвестиции равнялись только 2,5 млрд. долларов»⁵⁴.

К инвестициям капитала прибавлялось ещё стремление увеличить промышленный и сельскохозяйственный экспорт из США в Европу. К 1925 г. около 15% всей продукции американской промышленности экспортировалось на внешние рынки, при этом всё большее значение приобретал для США европейский рынок сбыта. Это положение отразил в одном из своих выступлений государственный секретарь США по финансам Меллон: «Вся иностранная задолженность не имеет для американского народа такой ценности, как процветающая Европа в роли покупателя»⁵⁵.

Европейский рынок был важен и для аграрных штатов и хлопкового юга США. По данным специального уполномоченного департамента торговли США в Европе Альфреда Денниса⁵⁶, в 1924 г. не менее 40% экспорта США составляли продукты сельского хозяйства. Почти весь сельскохозяйственный экспорт (около 90%) направлялся на европейские рынки. Европа была главным рынком сбыта для американского зернового и свиноводческого хозяйства. Что касается Германии, то «спрос на американские продукты свиноводства никогда не был таким высоким, как в послевоенный период», в результате того, что после первой мировой войны поголовье свиней в Германии снизилось на 30—40%. «Несмотря на падающую валюту и препятствия для международной торговли, германский импорт американских продуктов свиноводства выше, чем до войны»⁵⁷.

Уполномоченный департамента торговли США пришёл к выводу, что судьба фермера США тесно связана с решением европейских проблем: «В течение последнего года мы продали в Европу больше продуктов свиноводства, чем в любом году из лучших довоенных лет, но вели

⁵² В г а и н О. Указ. Соч. стр. 144.

⁵³ Congressional Record. Proceedings of the First Session of the Sixteenth Congress also special Session of the Senate of the United States of America. Vol. LXVII. Part. 1, p. 915. Washington. 1926.

⁵⁴ По данным американского экономиста Гарри Коллинса из Пенсильванского университета, в сборнике «The United States in relation to the European situation. The Annals». Vol. CXXVI, p. 79. Philadelphia. 1926.

⁵⁵ Там же, стр. 78.

⁵⁶ «America and the Post war situation. The Annals». Vol. CXIV, p. 110

⁵⁷ Там же, стр. 112.

торговлю по неудовлетворительным ценам. Что касается перспектив на ближайшее будущее, то, конечно, мы можем увеличить торговлю с Европой, если политическая враждебность смягчится и наступит всеобщее успокоение. Вероятно, одна только Германия сможет поглотить на 35—50 млн. бушелей пшеницы больше, чем было продано в текущем году за границу в целом, если обстановка будет сколько-нибудь нормальной. Американский фермер может наглядно убедиться, что успокоение в Руре не является местным делом... Можно проследить путь, связывающий Рур с каким-нибудь глухим сельским округом Луизианы, где негр обрабатывает свой клочок земли, засеянный хлопком, в двадцати милях от железной дороги»⁵⁸.

Добиваясь «нормализации» отношений в Европе, финансовый капитал США поддерживал Германию и оказывал сильное экономическое давление на Францию. В августе 1924 г. д'Абернотн отмечал в своём дневнике по поводу визита государственного секретаря США Юза в Берлин, Лондон, Париж и Брюссель (в связи с планом Дауэса): «Я убеждён, что у него была милая и откровенная беседа с Пуанкаре, во время которой он объяснил последнему, что на базе пуанкаризма Франция не получит помощи от Америки»⁵⁹.

Весной 1924 г. в Берлин приехал американский банкир Логан в качестве неофициального представителя Моргана. До этого Логан посетил Париж, сопровождая Моргана и участвуя в его переговорах с французскими политиками и банкирами. В беседе с Штреземаном, происходившей 4 апреля 1924 г. при участии посла США Хаутона, Логан расказал германскому министру о точке зрения, которую Морган высказал в Париже: «Он убеждён, что при предстоящих переговорах о займе будет поднят вопрос о военной эвакуации Рура. Нельзя ожидать от американцев, что они будут подписываться на заём, если военная оккупация Рура будет продолжена»⁶⁰.

С другой стороны, непременной предпосылкой займа американские банки ставили принятие Германией выработанных ими условий. В беседе с Штреземаном 1 июля 1924 г. посол США Хаутон заявил в форме, не допускавшей возражений: «Не должно быть никаких сомнений, что из Америки не поступит ни одного цента кредитов, прежде чем не будет принят план экспертов»⁶¹.

В беседе с Штреземаном, как обычно в своих дипломатических выступлениях в Берлине и Лондоне, Хаутон вёл себя, как хозяин. Он чувствовал себя не столько дипломатом, сколько представителем американских банков, которые полагали, что они могут купить в Западной Европе всё, что им заблагорассудится. По поводу одной из речей Хаутона — о проблеме европейских долгов Америке — уже после того, как Хаутон был переведён из Берлина в Лондон, английская пресса писала: «Язык мистера Хаутона не напоминает язык дипломата. Он говорит как представитель американских партнёров с большой долей капиталов в Европе»⁶².

Американские банкиры добивались от Германии некоторых, чисто внешних признаков смягчения германской позиции по отношению к Франции. В частности, они требовали на время реализации займа на ньюйоркской бирже прекратить демагогические выступления германских националистов против статьи 231 Версальского мирного договора по вопросу об ответственности Германии за войну 1914—1918 годов.

Эти выступления вызывали особое раздражение среди французских политических деятелей, и притом не только среди приверженцев Пуан-

⁵⁸ «America and the Post war situation. The Annals». Vol. CXIV, p. 112.

⁵⁹ Lord d'Abernon's Diary. Vol III, p. 85. Запись 8 августа 1924 года.

⁶⁰ Stresemann G. Указ. соч. Т. I, стр. 417.

⁶¹ Там же, стр. 415.

⁶² The Fortnightly Review. 1/VI 1926, p. 819.

каре. Это было вполне понятно, так как статья 231 служила основанием для взыскания с Германии ущерба, понесённого Францией в результате войны⁶³.

Германская буржуазия по любому поводу всегда бурно протестовала против статьи 231 договора, стремясь использовать эту статью для шовинистической пропаганды и для борьбы за пересмотр Версальской системы.

Президент одного из крупнейших ньюйоркских банков — «National City Bank» — Митчелл, посетивший Берлин в связи с принятием плана Дауэса, обратился к Штресеману с настойчивой просьбой «прекратить упоминание об ответственности за войну, хотя бы до того момента, когда подписка на заём в Америке достигнет достаточного уровня. Сейчас всё зависит от того, можно ли будет привлечь каждого отдельного американского подписчика на сторону германского займа. Размещением займа мы создадим в Америке армию из 300 тыс. человек, которые будут вести пропаганду за Германию, так как будут заинтересованы в благосостоянии Германии. Само собой разумеется, однако, что ещё предстоит преодолеть много помех. В тот день, когда снова последует упоминание об ответственности за войну, снова возгорится война вокруг вопроса о возникновении мировой войны. Это нежелательно и может помешать займу. По этой причине он и его коллеги, участвующие в размещении займа, были бы очень довольны, если бы этот вопрос не вызывал недоразумений хотя бы в течение короткого времени»⁶⁴.

Франция пыталась противодействовать германским маневрам. В частности, большие надежды возлагала французская дипломатия на задержку эвакуации оккупационных войск из Кельнской зоны. По условиям Версальского договора, эта зона подлежала эвакуации 10 января 1925 г., при условии, однако, что Германия будет точно выполнять предписания договора в части, касающейся разоружения⁶⁵. Воспользовавшись очередной находкой запрещённого договором германского оружия, французская дипломатия вынудила Англию согласиться на отсрочку эвакуации. Мотивировать необходимость отсрочки было очень легко: не было ни одного дня с момента подписания перемирия, когда Германия выполняла бы предписания о разоружении. За несколько дней до наступления срока эвакуации Кельнской зоны конференция послов направила германскому правительству ноту, в которой констатировалось, что «Германия ещё не выполнила... условия, поставленные статьёй 429»⁶⁶. Нота заканчивалась сообщением, что по получении отчёта межсоюзной контрольной комиссии союзные правительства предъявят Германии полный перечень требований, касающихся разоружения. Этот перечень был сообщён Германии в коллективной ноте союзников 30 мая 1925 года. Список нарушений военных постановлений договора был длинен. Проще было бы отметить, что Германия вообще не выполняет своих обязательств по разоружению. Вопреки статьям договора существовала «организация, аналогичная большому генеральному штабу». Количество по-

⁶³ Статья 231, открывавшая раздел о репарациях, гласила: «Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признаёт, что Германия и её союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесённых союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и её союзников» (Версальский мирный договор. Перевод с французского, стр. 84. Литиздат НКВД. М. 1925).

⁶⁴ Stressemann G. Указ. соч. Т. I, стр. 591—592. Запись Штресемана о беседе с Митчеллом 25 сентября 1924 г. на завтраке, устроенном в Берлинском национальном банке.

⁶⁵ Статья 429 мирного договора установила, что если к назначенному сроку «гарантии против невольного нападения со стороны Германии не будут рассматриваться союзными и объединившимися правительствами достаточными, то эвакуация оккупационных войск может быть задержана в той мере, какая будет сочтена необходимой для получения названных гарантий».

⁶⁶ «L'Europe nouvelle» 15/VIII 1925, стр. 1082 (текст ноты).

лицейских на 30 тысяч превышало дозволенные 150 тысяч; часть полиции представляла собою регулярные воинские части. Размер рейхсвера формально не превышал допущенного договором, но «значительное количество солдат проходило сокращённый срок службы и не входило в число 100 тысяч». Кроме того имелось несколько миллионов членов военизированных союзов: Стальной шлем, Вервольф и др. Несмотря на запрещение использования отравляющих веществ, танков и броневиков, солдаты рейхсвера обучались обращению с этими видами оружия. Характер нарушений был настолько серьёзен, что в случае их продолжения «германское правительство получит возможность восстановить армию, набираемую по принципу вооружённой нации»⁶⁷.

В заключение нота сообщала вывод союзных правительств, что эвакуация Кельнской зоны будет отложена до того времени, когда все эти нарушения договора будут устранены.

Это было тяжёлым ударом для Штреземана. Однако Франция не добилась желаемых результатов: Германия не проявила уступчивости. Слишком уж ясно было для германского правительства, что речь идёт об обычном дипломатическом маневре, а вовсе не о серьёзном намерении добиться действительного разоружения Германии. В этом убеждало Германию поведение английского правительства, которое открыто выражало своё желание скорее эвакуировать Кельнскую зону, независимо от состояния германских вооружений. В то время как французская пресса решительно заявляла, что «здесь невозможна дискуссия, нет места для компромисса»⁶⁸, английская дипломатия руководила переговорами об эвакуации Кельнской зоны. На одной из пресс-конференций в английском министерстве иностранных дел Остину Чемберлену был задан вопрос: эвакуируют ли английские войска Кельнскую зону сразу после выполнения Германией постановлений о разоружении? Чемберлен ответил: «Мы не останемся ни одного лишнего дня. Мы так же жаждем покинуть Германию, как Германия хочет увидеть наш отъезд»⁶⁹.

Политическая обстановка, сложившаяся в конце 1924 г., дала Штреземану возможность выступить против Франции в роли защитника мира на франко-германской границе и сломить французскую попытку задержать эвакуацию Кельнской зоны.

Ассамблея Лиги наций единогласно приняла 2 октября 1924 г. протокол «О мирном урегулировании международных споров», известный под названием «женевского протокола Лиги наций». Принятию протокола предшествовала длительная дипломатическая борьба между Англией и Францией. На основе женевского протокола правительство Макдональда брало на себя обязательства по поддержанию коллективной безопасности и по сохранению территориального статус кво, созданного Версальским миром. Это как бы являлось для Франции компенсацией за принятие плана Дауэса. Во время обсуждения в английской палате общин интерpellации одного из лейбористских лидеров, Артура Гендерсона, Чемберлен изложил историю возникновения женевского протокола. При встрече Макдональда с Эррио в июле 1924 г. французский премьер оказывал сопротивление принятию предложений комиссии экспертов под председательством Дауэса. Чтобы добиться согласия Франции на план Дауэса, Макдональд вынужден был принять от имени английского правительства обязательство, что «оба правительства приступят к предварительному обмену мнениями по вопросу о безопасности. Они сознают, что общественное мнение требует умиротворения. Они соглашаются сотрудничать в изыскании через посредство Лиги наций или другим спо-

⁶⁷ «L'Europe nouvelle» 15/VIII 1925, стр. 1084—1086 (тексты ноты и доклад межсоюзной контрольной комиссии).

⁶⁸ Там же, 20/VIII.

⁶⁹ Там же, 12/IX.

собом... методов обеспечения безопасности и продолжать изучение вопроса до тех пор, пока проблема всеобщей безопасности не будет окончательно разрешена»⁷⁰.

Женевский протокол давал Франции некоторое основание надеяться на английскую помощь в случае германского нападения на Францию или её союзников. Бриан первым подписал женевский протокол, а союзник французов — Чехословакия была первым государством, ратифицировавшим протокол.

Однако женевский протокол не вступил в силу. Победа консервативной партии на парламентских выборах 29 октября 1924 г. и образование правительства Болдуина с Остином Чемберленом в качестве министра иностранных дел изменили положение. Исход выборов предрешал судьбу женевского протокола. Подавляющее большинство консерваторов категорически высказалось против каких бы то ни было общих обязательств Англии на европейском континенте. В этом отношении консерваторы встречали полную поддержку правительств доминионов, отрицательно относившихся к женевскому протоколу. Даже проекты локальных обязательств Англии в Европе по территориальным вопросам, непосредственно затрагивавшим интересы Великобритании, вызывали противодействие.

Осенью 1924 г. вопрос о создании блока против СССР был для консерваторов решающим фактором, определявшим их внешнюю политику. Правительство Болдуина — Остина Чемберлена пришло к власти под знаком непримиримой борьбы против СССР. В этой борьбе консерваторы готовы были применить любые средства и методы. Достаточно упомянуть «письмо Коминтерна», вошедшее в историю как классический образец антисоветской фальшивки, рассчитанной на то, чтобы запугать среднего избирателя мнимым вмешательством Советского Союза во внутренние дела Великобритании. Активность правительства Болдуина была направлена к тому, чтобы создать в Европе единый реакционный блок против СССР и привлечь Германию к участию в этом блоке. Достижение этой цели затруднялось подписанием женевского протокола, принятого в рамках Лиги наций без участия Германии и в значительной степени против неё.

В числе мероприятий правительства Болдуина — Чемберлена в области английской внешней политики в Западной Европе был отказ от ратификации женевского протокола. 5 марта 1925 г. английский кабинет окончательно решил отклонить протокол. На заседании совета Лиги наций в Женеве 12 марта 1925 г. Остин Чемберлен изложил точку зрения британского правительства. Франция снова оказывалась перед опасностью внешнеполитической изоляции. Как и во многих других случаях, французское правительство снова искало выхода в капитуляции перед британской внешней политикой. В Женеве Бриан не сделал попытки противопоставить дипломатии Остина Чемберлена линию внешней политики французского блока государств. Вспоминая историю отказа от женевского протокола, один из английских консервативных журналистов писал впоследствии: «Поведение Бриана в Женеве в тот момент, когда пресловутый протокол был окончательно похоронен, имело целью угодить британскому общественному мнению. Бриану было бы легко поставить сэра Остина в чрезвычайно неприятное положение в Женеве. Если бы Бриан пошевелил пальцем, он мог бы иметь за собой большинство... Однако Бриан пожертвовал интересами Франции ради интересов Антанты»⁷¹.

Правительство Эррио делало малоуспешные попытки добиться заключения англо-франко-бельгийского союза для гарантии французской и

⁷⁰ Parliamentary Debats. Vol. 182, p. 309. Заседание 24 марта 1925 года.

⁷¹ The Fortnightly Review, April 1926, p. 456.

бельгийской границ от германского нападения. При сложившейся после принятия плана Дауэса международной обстановке попытки Эррио не могли дать конкретных результатов. Вспоминая об этих попытках, Эррио впоследствии рассказал, как, информируя его в помещении английского посольства в Париже о сложившейся ситуации, Чемберлен «обещал всяческое содействие для заключения соглашения о ненападении, которое налагало бы обязательства на Германию»⁷².

Германское правительство внимательно следило за ходом событий, и самая идея возродить в той или иной форме гарантийный пакт против Германии, предусмотренный ещё на Парижской мирной конференции, обеспокоила Штреземана. По прямому совету английских дипломатов, в частности лорда д'Абернона, Штреземан придал своему выступлению против Франции форму гарантии мира на франко-германской границе. В конце 1924 г. начались неофициальные переговоры о гарантийном пакте, за которыми последовала официальная германская нота.

Гарантийный пакт с самого начала задуман был его инициаторами для того, чтобы толкнуть нарастающую экономическую и политическую активность германского империализма на восток. Гарантийный пакт имел целью привлечь Германию к участию в антисоветском «западном блоке». Достаточно ярким свидетельством этой направленности британской внешней политики служило положение, сформулированное в февралье 1925 г. в секретном меморандуме Остина Чемберлена кабинету министров. Меморандум выражал уверенность в том, что рано или поздно Германия восстановит свою прежнюю экономическую и военную силу. На вопрос, против кого может обратиться эта сила, Остин Чемберлен дал следующий ответ: «Только немногие немцы серьёзно полагают направить эту силу... против Британской империи. Можно усомниться даже в том, что большинство немцев желает войну реванша против Франции».

Остаётся восточное направление. Существуют три лагеря, писал Чемберлен: победители, побеждённые и Россия. Проблема безопасности должна быть решена путём соглашения между первыми двумя лагерями. «Необходимо сформулировать политику гарантии, вопреки России и даже — в виду России»⁷³.

Таким образом, план Дауэса привёл к переговорам о гарантийном пакте. Влияние американских банков, стремившихся превратить Европу в рынок экспорта капиталов из США, толкало к попытке разрешить политические франко-германские противоречия, мешавшие закреплению и расширению экономического внедрения американского финансового капитала в страны Западной Европы. Но главным и решающим фактором, толкавшим к переговорам о гарантийном пакте, была ненависть американских, английских и французских реакционеров к Советскому Союзу.

⁷² Herriot E. «Pourquoi je suis radical-socialiste», p. 103. Paris. 1928.

⁷³ Меморандум Остина Чемберлена цитируется по тексту, опубликованному в журнале «Международная летопись» № 8—9 за 1925 год.